

Экскурсионное бюро «Надежда»

- 24 апреля – Ивангород. Отправление в 9 часов. Цена: взр. – 800 руб., дети – 700 руб.
- 24 апреля – Финляндия, Коувола, цена 1350 руб.
- 25 апреля – Концерт С. Михайлова, «БКЗ Октябрьский». Отправление в 17.20, цена 1950 руб.
- 30 апреля– 4 мая – Круиз «Четыре столицы Балтики 2010». Спб-Хельсинки-Стокгольм-Таллин-Спб. Цена: от 7000 руб.
- 1-3 мая – «Очарование майской Эстонии». Отправление из Красного Села! Цена: от 5000 руб.
- 2 мая – Псков-Печоры-Изборск, 1 день. Отправление в 6.40. Цена 1500 (с обедом).
- 7 и 8 мая - Театр музыкальной комедии, праздничный концерт для ветеранов войны. Отправление в 10.20. Цена: 150 руб.
- 8 мая – Театр музыкальной комедии, праздничный концерт для ветеранов войны + поездка на Пискаревское кладбище. Отправление в 10.20. Цена: 430 руб.
- 13-14 июня – Пушкинские Горы, 2 дня. Отправление из Красного Села! Цена при предоплате до 10 мая – 2800 руб., после – 3200 руб.

- **Начинается набор в детские летние лагеря!**
- **ДОЛ «Азов»** - г.Ейск. Первая смена 1-21 июня, цена 14100 + ж/д.
- **ДОЛ «Ивушка»** - Украина, Новоалексеевка. Первая смена 24 июня – 18 июля, цена 16350+ ж/д. Третья смена: 8-31 июля, цена 15780+ж/д. Предоплата 10000 руб. (на первую смену - до 30 апреля).
- **Речные круизы** – Валаам, Кижы, Казань.
- **Санатории** Ленобласти, России, Белоруссии, Прибалтики.
- **Отдых на море:** Болгария, Турция, Черногория, Хорватия, Греция, Тунис, Кипр, Италия, Таиланд, Мальдивы и т.д.
- **Экскурсионные автобусные туры** по России и за рубеж.
- **Финляндия – Швеция**, 3 дня, автобус+паром, от 69 евро.
- **Визы шенгенские + страховки.**

По рабочим дням с 10 до 19 без перерыва, суббота с 11 до 16 без перерыва, воскресенье - выходной
Пр.Ленина, 81
(здание почты, 2-ой этаж)
741-99-64, 741-99-63

СОВРЕМЕННАЯ СТОМАТОЛОГИЯ для взрослых и детей в Горелово

ВСЕ ВИДЫ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ УСЛУГ

Кариес (у взрослых 1400-2300)
... (у детей мол. зуба 900-1300)
Удаление700-1300
Металлокерамика.....5000
Съёмный протез.....7000

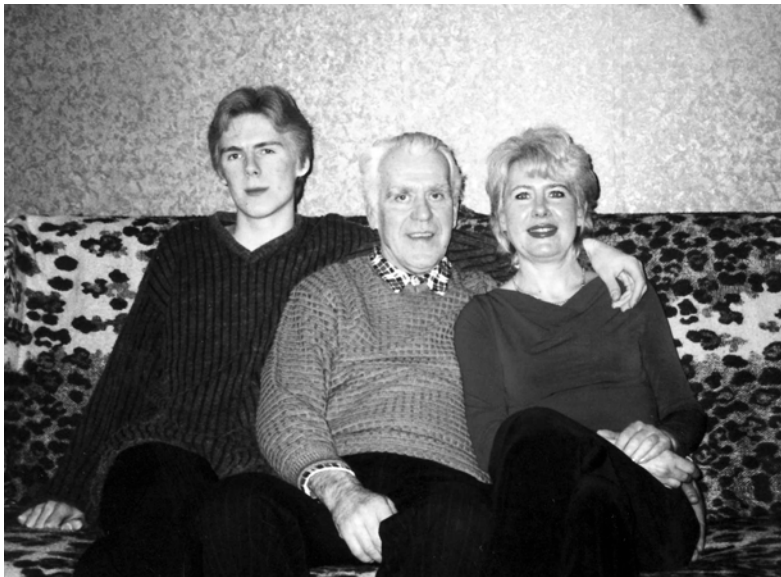
РАБОТАЕМ ПО СИСТЕМЕ «ВСЕ ВКЛЮЧЕНО»

Горелово, Красносельское ш., 52/3
Филиал "Медсанчасти работников НГК"
Тел. 404-95-47

11 апреля - Международный день освобождения узников фашистских лагерей. Жителю Красного Села Станиславу Матвеевичу Иодилису в 11 лет пришлось пройти через эти испытания. Публикуем выдержки из его воспоминаний, написанных для внуков, которые Станислав Матвеевич любезно предоставил редакции.

Детство в фашистском плену

Станислав Матвеевич Иодилис с дочерью и внуком

Осенью 1943 года мы с мамой жили в частном доме на окраине города Полоцка, оккупированного немцами. С востока все громче раздавалась канонада, и мы уже готовились встретить освободителей. Но неожиданно появились немецкие солдаты и приказали срочно собраться и с вещами следовать к товарному поезду.

Похожее драматическое событие наша семья уже пережила осенью 1937 года, когда ночью раздался стук в дверь. В дом вошли трое - один в черной кожаной куртке и двое в шинелях с винтовками. Отцу, Матвееву Иосифовичу Иодилису, участнику революции, приказали одеться. Отец одевался, а человек в черной куртке производил обыск - выбрасывал на пол книги, одежду и все, что попадало под руку. Отца увели. И больше мы его не увидели и не получили ни одного письма.

Вот и здесь на все сборы немецкие солдаты дали нам всего один час. Мы взяли документы, фотографии и немного продуктов. Фашисты действовали жестоко. Нас и наших соседей загнали в товарный вагон, снаружи закрыли на запор, и поезд тронулся на запад. Примерно через сутки в Литве нас высадили из вагонов на станции Алитус и колонной привели на территорию, обнесенную колючей проволокой. Здесь в больших сараях, бывших конюшнях, уже находились люди из Псковской и других областей. В Алитусе люди проходили регистрацию, их группировали и отправляли в Германию.

После опросов и бесед мы были переселены в трехэтажный дом, обнесенный колючей проволокой, с охраной у ворот. Из наших соседей по Полоцку в эту же группу попала семья Королевых, - мать, Лидия Николаевна, дочь Надя и сын Володя - мой лучший друг.

Некоторых из нашей комнаты оставили в Литве, определив для работы у богатых литовцев на хуторах, а нас погрузили в товарные вагоны.

Мы проехали Литву, Польшу. Из вагона наблюдали Варшаву, - она была еще цела.

Мы оказались в большом концентрационном лагере, обнесенном колючей проволокой, с бесчисленным количеством бараков. Внутри лагерь был тоже разграничен колючей проволокой. Это был Дахау. Люди были подавлены, многие заболели в дороге.

Нас снова сортировали, и мы попали в группу, направленную в лагерь авиагородка Лейпгем в юго-западной части Германии. Лагерь был

размещен на площади, вблизи административных и производственных зданий. Ряд деревянных барак, не меньше десяти, обнесенных колючей проволокой.

Помещения были оборудованы двухъярусными нарами и печкой-буржуйкой в середине. В нашей большой комнате поселили примерно 30 человек. Это были, в основном, семейные люди с оккупированных территорий. Два раза в день нам привозили горячую пищу - суп, кашу или картофельное пюре. Хлеб давали отдельно, буханку на 8-10 человек, ее нарезали на равные доли.

Взрослые, и семейные, и военнопленные, были предназначены для работы на авиапредприятии. Дети, кто постарше, знакомились и вместе обследовали территорию лагеря.

Периодически всех, взрослых и детей, стогнали на площадь между бараками и ставили в шеренгу по периметру. В середине находилось руководство лагеря с переводчиком и охраной. Лагерфюрер (начальник лагеря) по фамилии Миллер был добродушный толстячок. Но его заместитель Майер - однокоричный, вторую руку он потерял на фронте в России - отличался особой жестокостью. Начальники ходили вдоль шеренги узников и задавали вопросы, чаще всего о профессии, а секретарь записывала ответы. Если ответ или лицо узника не нравились Майеру - он бил человека по лицу своей единственной рукой в перчатке. Пощечины получали мужчины, женщины, а иногда и дети.

Однажды Майер остановился напротив дяди Феди, военнопленного, который ему чем-то не понравился, ударил его по лицу и уже шагнул дальше, но увидев взгляд, полный ненависти, вернулся. «Русские швайн», - сказал он и снова ударил дядю Федю по лицу. Ответный удар был такой силы, что двое охранников не смогли удержать Майера, он отлетел и шлепнулся на глазах всех присутствующих. Охранники скрутили Федора, и мы его больше не видели.

Дети днем бродили по лагерю. В животе урчало, все время хотелось есть. Рядом с колючей проволокой по дорожке утром и вечером проходили немецкие граждане, работающие на авиапредприятии. Они с любопытством смотрели на нас, а мы на них. Кто-то из ребят первый проявил знание немецкого языка и сказал «гиб брут» (дайте хлеба). Одна из женщин достала бутерброд из своей сумки и протянула ему. Мы стали по-

прошайничать у проходящих немцев. Мальчишки толпой набрасывались на горбушки, обдирая руки о колючую проволоку. Я тоже пытался завладеть горбушкой, но меня все время оттесняли. Это заметила одна молодая белокурая немка. Она достала бутерброд с сыром и позвала меня. После эта белокурая фея часто одаривала меня такими подарками.

Еще запомнилось - в лагере был объявлен карантин по тифу. Начальство боролось с эпидемией решительно и эффективно. Нам запретили общение с людьми из других барак. Затем отдельными группами построили и отвели в помещение для санобработки, без разделения - семейных мужчин и женщин, девушек, молодых военнопленных, детей. Все вместе раздевались, сдавали одежду в пропарочную камеру и шли в помывочное отделение. Стесняться стали только после помывки. В ожидании одежды из пропарочной камеры, в разных углах разместились отдельно мужчины и женщины. Мы, дети, курсировали между этими углами, передавая полотенца, расчески и другие предметы.

Эти меры позволили в короткое время покончить с тифом и привлечь людей к работе. Было приказано - всем прийти на верхнюю одежду отличительные знаки синего цвета с надписью OST.

Детей привлекали к работам по уборке территории лагеря. Или выводили за ворота, и мы убрали какие-то захлапленные подвалы, склады или площадки.

Сведения о военных действиях до нас не доходили. Но вскоре участились сигналы воздушной тревоги, появилась американская авиация. Во время тревоги мы должны были бежать в укрытия - подземные щели из бетона с выходами с двух сторон, которые находились на окраине поселка.

Первой бомбардировке Лейпгем подвергся весной 1944 года. После сильной бомбардировки от прежнего Лейпгем остались разрушенные корпуса цехов, зданий и жилых домов. От нашего лагеря - одни горящие обломки барак. Не уцелели и те, кто не успел или не смог покинуть лагерь. Сгорело все наше небогатое имущество, которое мы взяли из дома, документы и фотографии.

Неадекватно мы почувствовали некоторую свободу. Потрясенным бомбардировкой начальникам лагеря было не до охраны. Несколько десятков семейных людей, среди них были мы с мамой, разместили в клубе города Гюнзбурга (на полу, на соломе), в 3-4 километрах от Лейпгем. Это был небольшой красивый городок с узкими улочками и площадью в центре, на которой даже в военное время проводились традиционные ярмарки. Мы свободно ходили по городу, добывая себе еду.

Рядом с клубом за забором находилось военное училище «гитлерюгенд». Немецкие мальчишкам не нравилось наше соседство. У нас частенько возникали конфликты из-за стадиона, на котором мы иногда играли в футбол. В потасовках победителями чаще оказывались немецкие мальчишки. Поэтому мы вооружились рогатками. Следы от камней стали появляться на телах, а иногда и на лицах немецких мальчишек. Об этом стало известно начальству. Я и еще трое пацанов были направлены на работы к фермеру (бауэру). Работа была ужасно нудная и однообразная, мы выполняли ее с неохотой, и невольный хозяин отправил нас обратно в лагерь. Он оставил только самого крепкого и трудолюбивого - Володю Королева, моего друга. Через некоторое время фермер даже выделил ему велосипед...

Сборка самолетов после разрушений велась в лесополосе, под натянутым брезентом. Видимо, немецкие специалисты не хватало, поэтому здесь работали под присмотром русские и украинцы.

В выходные дни, а иногда и в

будние, мы осваивали город Гюнзбург и его окрестности, добывая себе пропитание. Хлеб в магазинах продавался по карточкам, но иногда зачерствелый продавался просто за деньги. И мы приноровились добывать деньги не совсем честным путем. Жители Гюнзбурга выставляли вдоль домов бидончики, а под ними деньги для молочника. Мы приспособились затемно собирать эти пфенниги. Но вскоре нас разоблачили, и был скандал...

Однажды после sireны воздушной тревоги все бежали одной толпой - немецкие и русские рабочие с предприятий. Я увидел, как в стороне нас обогнал Володя на своем велосипеде.

Больше мы его не видели - ни живого, ни мертвого.

Однажды я помог нести котомку немецкой семье, пострадавшей от бомбежки. Женщину звали фрау Эльза, а ее сына примерно моего возраста - Вернер. Его отец находится на фронте в России. Фрау Эльза откровенно ругала Гитлера, войну и сочувственно относилась к нам, русским детям. Я заходил к ним в гости, мы даже подружились с Вернером, а фрау Эльза угощала меня чаем с печеньем.

...Совершенно неожиданно в Гюнзбурге появились американские солдаты - с военной техникой и полевыми кухнями. Нас, отоцавших и голодных, больше всего привлекали именно эти кухни.

Американские солдаты, сытые и самодовольные, с любопытством рассматривали нас, угощали продуктами из своего паика и жевательной резинкой. Среди них были и негры. Мы раньше не видели чернокожих людей...

В лагере наступила долгожданная свобода. Вечерами молодежь собиралась на площадке, пели песни украинские и русские. Где-то раздобыли гармонь и устраивали танцы. Бывшие военные организовались в отряды, привлекали туда молодых людей восемнадцати лет и старше и ежедневно занимались строевой подготовкой. Обнаружились уцелевшие коммунисты-политработники, они стали проводить в отрядах политзанятия. Откуда-то появился портрет генералиссимуса товарища Сталина, его маршалский мундир был украшен орденами и медалями.

Мы с нетерпением ждали возвращения на Родину. Летом 1945 года нам подали колонну грузовиков, и мы двинулись на восток. Потом нас перегрузили в товарные вагоны.

В Дрездене наш состав задержался на несколько часов, и у нас была возможность осмотреть кварталы, прилегающие к станции. Уцелевших домов практически не было. Еще запомнилась изуродованная войной Варшава.

...Наш Полоцк тоже состоял из сплошных развалин. На месте нашего дома осталось пепелище. Мы стали искать себе жилье и нашли уцелевший кирпичный полуподвал, оставшийся от сгоревшего дома.

Вместе с другой семьей с мамой стали готовить этот полуподвал к зиме. Я добывал листы железа, которые стали крышей этого полуподвала. А чтобы зимой было теплее, листы засыпали землей. Весь строительный материал находили в разрушенных или сгоревших домах. Там же нашли и печку-буржуйку и благополучно перезимовали.

Одновременно мы оформляли документы, так как у нас не было ни паспортов, ни метрических свидетельств. Это было еще одно испытание на прочность. Нас вызывали в соответствующие органы, которые подробно допрашивали и давали добро на оформление документов. Документы нам были нужны для получения продуктовых карточек.

Наконец мы оформили документы, получили продуктовые карточки и почувствовали себя полноценными гражданами.